

Информация об авторе

Санжиева Татьяна Ефремовна — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Бурятии, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: sanj_te@mail.ru.

Author

Tatiana E. Sanzhieva — Doctor habil. (History), Professor, Department of Buryat History, Buryat State University, 24a Smolin str., 670000, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: sanj_te@mail.ru.

УДК 338 (571)
ББК 63.3

V.V. СИНИЧЕНКО

**СТАТИСТИКА ИМПОРТА МЯСА
«МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ»
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Анализируются история снабжения Дальнего Востока России и российской полевой армии в годы Первой мировой войны мясопродуктами. Отмечается, что значительный вклад в обеспечение армии и тыла продовольствием в годы войны внесла так называемая «Монгольская экспедиция» — общественно-государственная организация, действовавшая на территории Китая и Кореи.

Ключевые слова: рогатый скот, мясо, Дальний Восток, «Монгольская экспедиция», Маньчжурия, ветеринарный контроль, армия, тыл.

V.V. SINICHENKO

**STATISTICS OF IMPORT OF MEAT
«MONGOLIAN EXPEDITION» IN
THE YEARS OF WORLD WAR I**

The history of supply of the Far East of Russia and the Russian field army in the years of World War I are analyzed by meat products. It is noted that the significant contribution to providing army and the back with the food in the years of war was brought so-called by the «Mongolian expedition» — the public and state organization operating in the territory of China and Korea.

Keywords: rogata cattle, meat, Far East, «The Mongolian expedition», Manchuria, veterinary control, army, back.

В первый год военных действий на Дальнем Востоке России наблюдалось снижение численности скота. Было забито или реквизировано 17 тыс. голов крупного рогатого скота и 13 тыс. лошадей. Такая же ситуация происходила и в других районах России. Поэтому с 1916 г. ввоз скота

с запада на русский Дальний Восток прекратился. Западные регионы страны сами нуждались в мясопродуктах [2, л. 45].

Таким образом, в Приморье, как и во всей воюющей России, в годы войны возникла потребность в ввозе скота и мясной продукции из-за рубежа.

В годы Первой мировой войны для нужд армии пограничные власти принимали активное участие в создании приемных и заготовительных комиссий.

Забой крупного рогатого скота для снабжения действующей армии в Россию в рамках так называемой «Монгольской экспедиции» происходил на территории Китая — на Маньчжурской, Хайларской, Цицикарской и Куаченьцзской бойнях в течении 1914–1918 гг., с которых и экспортировались мясопродукты в Россию.

Из них на Маньчжурскую бойню в годы Первой мировой войны пришлось 51 025 голов крупного рогатого скота (в рамках Монгольской экспедиции было забито 21 420 голов или 42 % от общего количества забоя); на Хайларскую бойню пришлось — 30 670 голов крупного рогатого скота, из них в рамках Монгольской экспедиции было забито 10 072 головы скота или 23 %; на Куаченьцзскую бойню — 58 194 головы скота из них на Монгольскую экспедицию 23 637 или 41 %.

По годам забой скота в Маньчжурии для России распределялся следующим образом:

На 1914–1915 гг. — 18 306 голов крупного рогатого скота на экспорт в Россию.

На 1915–1916 гг. — 33 364 головы на экспорт в Россию, из них на Монгольскую экспедицию пришлось 14 894 голов или 45 %.

На 1916–1917 гг. на экспорт в Россию было направлено 65 952 голов, из них на экспедицию пришлось 41 809 голов, что составило 64 %.

На 1917–1918 гг. — 28 377 голов скота, из них на Монгольскую экспедицию пришлось 10 881 голова или 39 % [1, л. 1].

Как мы видим из вышеприведенных цифр, «Монгольская экспедиция» по закупкам скота для действующей армии стала действовать в 1915 г. и это сразу же привело к удвоению экспорта мяса из Маньчжурии в Россию. Пик ввоза мяса крупного рогатого скота из Северо-Восточного Китая и Монголии в Россию пришелся на 1916–1917 операционный год. Но в результате революций в России в 1917 г. на 1917–1918 операционный год последовало почти двукратное сокращение забоя скота для нужд российской армии, соответственно сократился и экспорт мяса в Россию.

Первая проблема, которая возникла перед российскими властями в регионе, заключалась в установлении ветеринарного контроля, который был в ведении Отдельного корпуса пограничной стражи. Для охраны области от заноса эзотопий из Кореи и для пропуска корейского скота в область были установлены три ветеринарно-пограничных пункта, один около русского Хунчуна, второй около Красного села, третий называл-

ся «Посъет» и располагался в селе Новокиевском. Хунчунский карантин был расположен на пути прогона скота от торгового заграничного пункта Кугасе на Посъете. Пункт этот был занят надзором за прогоном скота и свиней из узкой полосы приграничной Маньчжурии и Северной Кореи в Приморскую область. Согласно правилам, поступающий из-за границы крупный рогатый скот подлежал комбинационным прививкам при пропуске в область, а при следовании на Новокиевскую бойню ветеринарному осмотру, а овцы, свиньи — ветеринарному наблюдению, по окончании которого они направлялись в область гоном.

Через Хунчунский карантин проследовало в область следующее количество скота: Крупный рогатый: 1913 г. — 5873 голов, 1914 г. — 9278 голов, 1915 г. — 10 524 голов, 1916 г. — 12 083 голов, 1917 г. — 3579 голов, 1918 г. — 2620 голов. Свиней: 1913 г. — 4632 голов, 1914 г. — 3013 голов, 1915 г. — 1492 голов, 1916 г. — 1568 голов, 1917 г. — 2042 голов, 1918 г. — 4954 голов [2, л. 22].

Красносельский карантин был расположен вблизи пограничной речки Тюмень-Ула и служил впускным пунктом для скота из Северной Кореи. Деятельность Красносельского карантина протекала весьма неравномерно. В некоторые годы через этот пункт направлялись большие партии скота, в другие годы прогон сокращался до нескольких голов в год. Отметим, что с 1905 г. по 1914 г. этот карантин почти не функционировал. За 1916 г. через Красносельский карантин прошли 1407 головы крупного рогатого скота, а в 1917 г. — 432 головы. Свиней было 10 голов в 1916 и 30 голов в 1917 г. [2, л. 23].

Посъетский ветеринарный пункт в Новокиевском, не являясь строго пограничным пунктом, выполнял те же обязанности по надзору за приемкой и отправкой заграничного скота, был занят осмотром скота, прибывшего из Кореи через Хунчунский и Красносельский карантин на Новокиевскую бойню или на бухту Посъет для отправки пароходом во Владивосток.

В годы Первой мировой войны Посъетский пункт работал оживленно. Так, через пункт в 1913 г. было прогнано 5875 голов крупного рогатого скота, в 1914 — 8720 голов КРС, в 1915 г. — 15 410 голов КРС, в 1916 г. — 11 081 голов КРС, в 1917 г. — 2423 голов КРС. В те же годы через Посъетский пункт из Кореи в России было ввезено свиней — 4888 голов в 1913 г.; 4182 голов в 1914 г.; 2056 голов в 1915 г.; 1904 голов в 1916 г.; 3217 голов в 1917 г. [2, л. 24].

Привоз местного скота из Кореи в Приморскую область возник в период русско-японской войны и до Первой мировой войны в деле снабжения убойным скотом Дальнего Востока корейские рынки играли значение, прежде всего, как запасной фонд из которого черпался скот в годы затруднений и как регулятор цен, при попытках спекулятивного повышения цен на мясо на рынке Владивостока [2, л. 48].

Помимо Хунчунского и Красносельского и Новокиевского карантинных пунктов, через которые корейский скот поступал по сухопутным трактам в живом виде, из Кореи доставлялся скот морским путем, вплоть до 1916 г. Пропускался этот скот через Владивостокский карантинный пункт для выгрузки и побойки в бухте Уллиса, а с 1916 г. он был перенесен на бойню на Красном мысе.

Если в 1913 г. на Владивостокский карантинный пункт было привезено 5 729 голов крупного рогатого скота из Кореи, то в 1914 г. — уже 12 019 голов КРС; в 1915 г. — 21 998 голов КРС, со снижением в 1916 г. — 9814 голов КРС; в 1917 г. — 4830 голов КРС; и, наконец, в 1918 г. — 4169 голов КРС [2, л. 49].

Мясо корейского скота на владивостокских базарах оценивалось всегда на 20 процентов ниже, чем мясо скота, привезенного из других заграничных рынков (Китая, Австралии и пр.), что объясняется поступлением на продажу в Корею исключительно рабочих, не холощенных бычков. Долгое время в Корею, по религиозным предрассудкам не было кастрации бычков. И только после того как Корею оккупировали японцы в 1909 г., они в целях развития экспорта в Приморскую область, обратили внимание на улучшение скотоводства в Корею — усилили состав ветеринарного персонала, стали устраивать выставки и премировку скота, подбор производителей, кастрации и проводить прочие зоотехнические мероприятия [2, л. 49].

Все это делалось для того, чтобы подготовить корейский мясной рынок к требованиям санитарных норм России и добиться облегченных условий ввоза скота и мяса в Приморскую область.

В результате предпринятых мер по официальным данным число боен на полуострове достигло накануне Первой мировой войны цифры в 1542 единицы, где были убиты 236 094 быка и 261 307 свинья [2, л. 54].

На рынке Пусана — главного порта Кореи (Гензан в документе) мясо предлагали по цене 6,5 японских иен за фут живого мяса. Доставка из Пусана во Владивосток с погрузкой, разгрузкой и пошлиной доводила цену на корову до 12 р. 30 к. с головы [2, л. 58].

О благополучии Кореи по заразным болезням домашних животных сказано в донесении генерального консула России в Корею за 1915 г. Эпизоотии на полуострове, по его замечанию, не принимали больших размеров в виду своевременности и энергичности мер, принимаемых японскими властями [2, л. 55].

Японцы неоднократно связывались с россиянами по поводу отмены санитарного осмотра туш российским ветеринарным пограничным врачом и предлагали заменить его на осмотр скота в Корею местным врачом. Но российские пограничные власти отклоняли эти предложения и настаивали на необходимости российского контроля за экспортом скота в Россию [2, л. 57].

Корея была обследована ветеринарным врачом Красносельского карантина и одновременно служащим Отдельного корпуса Пограничной стражи — А.Ф. Свицерским.

По сообщениям Свицерского вся Корея, как в административном, так и в скотоводческом отношении разделена на три округа или района — северный, средний и южный. Последние два района, как в отношении количества скота, так и в отношении его качества, стояли гораздо выше северного. Из северного района скот, главным образом, экспортировался в Приморскую область через Хунчунский и Красносельский карантин. В этом районе по японским статистическим сведениям насчитывается около 100 000 голов крупного рогатого скота, из которых японцы находили возможным выпускать на рынок до 15 000 голов ежегодно, а по окончании мировой войны планировали — 20 000 голов [2, л. 61].

Общее количество домашних животных в Корее:

1. Быков: в 1914 г. составляло 398 937 голов; в 1915 г. — 407 911 голов; в 1916 г. — 412 240 голов.

2. Коров: в 1914 г. — 1 338 341 голов; в 1915 г. — 1 353 531 голов; в 1916 г. — 1 353 108 голов.

3. Свиной: в 1914 г. — 757 803 голов; в 1915 г. — 765 540 голов; в 1916 г. — 780 077 голов [2, л. 62].

Как видим, несмотря на мировую войну, в Корее росло поголовье домашних животных. Поэтому корейцы и их временные хозяева — японцы спешили воспользоваться временем войны, чтобы экспортировать мясо в Россию [1, л. 64].

В отношении пригона китайского крупного рогатого скота на границе также действовало несколько карантин. Так, для пропуска скота из Маньчжурии установлены следующие ветеринарные пункты:

1. *Монгаутайский пост* — для убоя на бойне в урочище Барабаш и пропускной *Полтавский пункт* на бойнях этой станции. Отсюда было пропущено крупного рогатого скота в 1913 г. — 204 голов; 1914 г. — 203 головы; 1915 г. — 131 голова; 1916 г. — 118 голов; свиной в 1913 г. — 268; в 1914 г. — 607; в 1915 г. — 449; в 1916 г. — 345 [2, л. 24]. Кроме осмотра скота, прибывающего на убой на станцию Полтавка, здесь производился осмотр лошадей, поступающих в область на работы.

2. *Гродековский пункт* — являлся одним из самых важных ветеринарных пунктов Приморской области, так как он был назначен для надзора за поступлением в область животных из Маньчжурии по линии железной дороги через станцию Пограничную и по грунтовым трактам на Гродековский карантин и до ст. Гродеково. В довоенный период, скот для убоя в области поступал гоном на Гродековский карантин огромными партиями. Для выдерживания установленных карантинных правил он выпасался на специально отведенном пастбище в 36 065 десятин земли. Прибывающий в область скот, согласно правилам, осматривал-

ся на состояние здоровья, подвергался прививкам противочумной сывороткой, исследовался на присутствие других заболеваний. В случае полного здоровья животных выдавалось разрешение на пропуск его в область. В период оживленной деятельности Гродековского поста на карантине порой скапливалось до 5 тыс. голов скота, а в год пропускалось до 20 тыс. голов крупного рогатого скота. С переходом к доставке убойного скота в область по железной дороге на Гродековский карантин поступали только животные, привозимые для сельскохозяйственных целей. Промышленный же скот привозился в область по железной дороге, подвергаясь ветеринарному осмотру на состоянии здоровья на станции Пограничной.

3. Осмотр скота на станции *Пограничной* имел весьма важное значение, так как ветеринарному надзору на ст. Пограничной приходилось в своей деятельности наиболее часто констатировать появление среди гуртового скота чумы и других эпизоотий [2, л. 26]. Через Пограничный карантинный пункт поступило в 1913 г. — 1434 голов крупного рогатого скота; в 1914 г. — 1852 голов; 1915 г. — 10 899 голов, в 1916 г. — 7304 голов; в 1917 г. — 4066 голов.

4. *Пограничный пункт в Турьем Роге* был установлен для пропуска крупного рогатого скота для сельскохозяйственных надобностей. Прогон сельскохозяйственного скота через Турий Рог в годы Первой мировой войны практически не было.

5. *Пропускной пункт в поселке Иман* был открыт для прогона скота и свиней из-за текущей по границе России с Китаем реки Уссури на немедленный убой в поселок Иман. Пункт этот принимал небольшое количество скота из-за границы. Ветеринарский персонал его ведал надзором за передвижением скота по линии железной дороги от ст. Муравьев-Амурский до разъезда 485 версты, и осмотром животных, привозимых и увозимых в Иман по грунтовым трактам. Накануне и годы Первой мировой войны в Иманском пункте было осмотрено: в 1913 г. — 2259 голов крупного рогатого скота; в 1914 г. — 1078 голов; в 1915 г. — 1910 голов; в 1916 г. — 2007 голов; в 1917 г. — 1381 голова крупного рогатого скота. Свиней было доставлено в 1913 г. — 737 голов; в 1914 г. — 492 головы; в 1915 г. — 550 голов; в 1916 г. — 884 головы и в 1917 г. — 1392 головы [2, л. 28].

6. *Хабаровский ветеринарный пункт* имел назначение следить за поступлением скота из Маньчжурии в область по рекам Сунгари и Амуру, осматривать грузы, прибывающие по железной дороге в г. Хабаровск из Маньчжурии, наблюдать за содержанием скота до убоя на скотопригонных дворах, осматривать и допускать к вывозу из города животных вполне здоровых и принимать меры при обнаружении заболевания на гуртовом скоте. Район деятельности Хабаровского ветеринарного пункта располагался по верхнему течению р. Амура в пределах Приморской области до Хабаровска, по Уссурийской железной дороге

от ст. Хабаровск до ст. Дормидонтовка, и по линии Амурской железной дороги, пролегающей в пределах Приморской области. Деятельность этого пункта накануне и в годы Первой мировой войны выразилась в осмотре и приеме из Маньчжурии следующего количества скота и мясо-продуктов. В 1913 г. — 8424 голов крупного рогатого скота; в 1914 г. — 10 230 голов КРС; в 1915 г. — 11 481 голов КРС; в 1916 г. — 9527 голов КРС, в 1917 г. — 4421 голов КРС. Свиной было привезено в Хабаровск в 1913 г. — 6297 голов, в 1914 г. — 5499 голов, в 1915 г. — 6045 голов; в 1916 г. — 5475 голов; в 1917 г. — 1933 голов [2, л. 29].

7. *Ветеринарный пункт в городе Владивосток* был установлен для надзора за передвижением животных, прибывающих морскими и железнодорожными путями. Ветеринарный персонал Владивостокского пункта выдавал санитарные удостоверения на станциях Владивосток, Первая и Вторая речки, Седанка, Океанская и Угольная. В виду прибытия значительного количества скота и разбросанности мест выгрузки во Владивостоке существовало два самостоятельных ветеринарных пункта с определенным штатом служащих. В город Владивосток было привезено следующее количество скота: в 1913 г. — 28 615 голов крупного рогатого скота, в 1914 г. — 28 527 голов крупного рогатого скота, в 1917 г. — 4852 голов крупного рогатого скота. Свиной было осмотрено на ветеринарных пунктах Владивостока в 1913 г. 13 989 голов; в 1914 г. — 13 897 голов; в 1917 г. — 1636 голов [2, л. 29].

Кроме ветеринарных пунктов, занятых приемкой животных из-за границы, в городе Никольск-Уссурийском был установлен ветеринарный пункт для надзора за пропуском гуртов скота, прогоняемых из уезда для отправки по железной дороге и для осмотра скота и животных продуктов, отправляемых и принимаемых городом Никольск-Уссурийском.

Район деятельности Никольск-Уссурийского пункта простирался от разъезда 89 версты до станции Хорватово и до разъезда Липовцы. Накануне и в годы Первой мировой войны через Никольск-Уссурийский пункт было пропущено: в 1913 г. — 8014 голов крупного рогатого скота, в 1914 г. — 10 749 голов; в 1915 г. — 17 492 голов; в 1916 г. — 12 739 голов; в 1917 г. — 8708 голов. Свиной поступило в 1913 г. 4414 головы; в 1914 г. — 2999 голов; в 1915 г. — 3 191 головы; в 1916 г. — 4809 голов; в 1917 г. — 3386 голов [2, л. 30].

Перечисленными пунктами регулировалось передвижение скота из Кореи и Китая в Приморскую и Амурскую области в годы Первой мировой войны.

Нужно отметить, что в годы Первой мировой войны поставки мясо-продуктов в Россию осуществлялись не только с рынков Маньчжурии и Кореи. Деятельность пограничного ветеринарного контроля проявилась активно во время поставок в Россию убойного скота и мяса из внутреннего Китая, а именно провинции Шаньдун.

С переходом в декабре 1914 г. порта Циндао и Чинаньфунской железной дороги в руки японцев, новые хозяева Шаньдунского полуострова продолжили политику своих предшественников в отношении экспорта мяса и скота, но более решительно.

Однако Шаньдунская ското и мясопромышленность с 1916 г. переориентировалась на другие рынки, из которых главным потребителем стали американские гарнизоны на Филиппинских островах, наладившие для покупки мяса регулярные рейсы с острова Манилы военных пароходов-рефрижераторов в Циндао. Главной причиной уменьшения вывоза в Россию скота и мяса из Шаньдуна с 1916 г., конечно, стало беспримерное в истории падение русского рубля, вследствие чего перевозка живого скота стала невозможна даже для казенной организации (Монгольской экспедиции) [2, л. 92].

Отметим, что из Кореи за тот же период было доставлено в Россию в 1912 г. 60 104 голов скота; в 1913 г. — 45 832 голов скота; в 1914 г. — 96 152 голов скота; в 1915 г. — 175 984 голов скота; в 1916 г. — 78 512 голов скота; в 1917 г. — 38 640 голов скота; в 1918 г. — 33 352 голов скота. Всего: 528 576 голов скота было поставлено из Кореи в Россию с 1912 по 1918 гг. Падение поставок приходится на 1916 г. В 1917 г. оно усиливается в геометрической прогрессии. В то же время в 1916–1917 гг. усиливается забой местного скота.

Из портов Китая было доставлено во Владивосток в 1912 г. 471 428 голов скота; в 1913 г. — 557 352 голов скота; в 1914 г. — 526 560; в 1915 г. — 287 664; в 1916 г. — 29 376; в 1917 г. — 108 948; в 1918 г. — 82 432. Итого за шесть лет — 2 063 760 головы скота, причем значительное снижение (в десять раз) доставки произошло, как и на корейском направлении, в 1916 г.

Из Маньчжурии за тот же период времени поступили на скотобойни России следующее количество животных: в 1912 г. — 326 830 голов скота; в 1913 г. — 293 930; в 1914 г. — 269 150; в 1915 г. — 354 820; в 1916 г. — 540 670; в 1917 г. — 544 530; в 1918 г. — 261 690 голов скота. Итого 2 591 620 голов скота за шесть лет. При этом можно отметить, что на протяжении военных действий Маньчжурия стала основным регионом — поставщиком мяса для русского Востока и действующей русской армии. Процесс закупки мяса в этом регионе нарастал и пограничные ветеринарные службы России в регионе были загружены работой [2, л. 105].

Таким образом, в Приморье, как и во всей воюющей России, в годы войны возникла потребность в ввозе скота и мясной продукции из-за рубежа.

Первая проблема, которая возникла перед российскими властями в регионе, заключалась в установлении ветеринарного контроля, который как мы указывали выше, был в ведении Отдельного корпуса пограничной стражи. Для охраны от заноса эзотопий из Кореи и для пропуска

корейского скота в Россию были установлены три ветеринарно-пограничных пункта.

В отношении пригона китайского крупного рогатого скота на границе действовало семь карантинных пунктов. В отношении забоя мяса на иностранных скотобойнях (в Северо-восточном Китае и портах Китая) ветеринарный надзор действовал путем командирования служащих на место побойки. Без соответствующего свидетельства ветеринарного инспектора ввоз мясопродуктов в Россию был запрещен.

Падение объемов импорта мяса в Россию в годы Первой мировой войны приходится на 1916 г. и значительно усиливается в 1917 г.

Причина этого явления заключалась в колебаниях курса русского рубля. Это было второй проблемой российских пограничных властей, которые также участвовали в организации этих закупок скота. Неуклонное падение русской валюты за весь период войны, приведшее к полному обесцениванию русского рубля, приводило к срыву заготовок мяса.

Список использованной литературы и источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 2.
2. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 8.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 11, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

Author

Vladimir V. Sinichenko — Doctor habil. (History), Professor, Chief of Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, Police Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, 11 Lermontov str., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail v.v.sinichenko@bk.ru.

УДК 339.5(470+510)(09)
ББК 65.428(2Рос+5Кит)г

Ж.З. ТАГАРОВ

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ТРАНСЕВРАЗИЙСКАЯ ЧАЙНАЯ ТОРГОВЛЯ ЧЕРЕЗ КЯХТУ

В статье исследуются причины устойчивости русско-китайской чайной торговли через Кяхту. Также анализируются общие черты Великого шелкового и Великого чайного пути. Выявляются различия этих направлений трансевразийской торговли.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, кяхтинская чайная торговля, Китай, Россия.